

Цзян Чжао, разозлившись, катался по траве, и светлый свитер весь покрылся травинками. — Я не тяжёлый! Я совсем лёгкий! — кричал он.

В конце концов Ли Чжи с отвращением взвалил его на руки и понёс в дом, а за ними, лая, бежала собака.

— А я помню, у вас раньше была не эта собака, — сказала гостья, глядя на коротконового пятнистого пса, весело бегавшего у входа.

— Не напоминай, — вздохнул Ли Чжи. — Та вечно грызла диван и рылась в мусоре, убирать за ней было сущим наказанием.

— Но ведь убирать-то приходилось не тебе, — с лёгкой улыбкой заметила гостья. — А где теперь та собака?

— Отдали. Надоела.

Ли Чжи помнил, что ту собаку купила Дай Мэнтин. Породистая была, и поначалу она её просто обожала — целыми днями на руках носила, даже чаще, чем Цзян Чжао.

— Моя мама — очень непостоянная женщина, — надувшись, заявил Цзян Чжао.

— Ещё слово — и завтра тебя отдадим, — резко обернулась к нему Дай Мэнтин.

Гостья прикрыла рот рукой и рассмеялась:

— Сынок-то твой прав.

Ли Чжи подтолкнул только что слезшего с него Цзян Чжао, веля идти мыть руки и переодеться. В гостиной двое взрослых продолжили беседу. Гостья оказалась художницей и специально зашла пригласить Дай Мэнтин на свою выставку. Та вложила в тот вернисаж деньги, они с художницей были близкими подругами. На третьем этаже, в коридоре, как раз висела картина — подарок от неё. Насколько она была хороша, Ли Чжи не знал, но, судя по всему, стоила немало: в галерее провисела целый год, так и не найдя покупателя. Впрочем, это, похоже, никого не волновало. В кругу общения Дай Мэнтин хватало тех, кто попросту сжигал деньги на подобные увлечения.

На столе стояли кексы из кондитерской — изящные, посыпанные тонкой ореховой крошкой, аппетитные на вид, но никто к ним так и не притронулся.

— Будешь? — тихо спросил Ли Чжи, кивнув на кексы в сторону только что вернувшегося из ванной Цзян Чжао.

Тот помотал головой и так же тихо ответил:

— Противно, от одного запаха тошнит.

— А ты хочешь? — в свою очередь спросил Цзян Чжао.

Они уставились друг на друга. Ли Чжи на миг замешкался, затем холодно бросил:

— Не хочу.

Цзян Чжао сморщил нос и фыркнул:

— Я знаю, о чём ты думаешь. Ты тоже непостоянный.

Только выучил новое слово — и сразу лепит куда попало. Ли Чжи усмехнулся:

— И о чём же я думаю?

— Ты хочешь кекс, но не говоришь, а хочешь, чтобы другие решили, будто это я хочу. Ты очень скрытный человек, — уверенно заявил Цзян Чжао, глядя ему прямо в глаза.

— Я... — Ли Чжи на мгновение потерял дар речи. Мальчик, похоже, был прав. Спорить с ребёнком не хотелось, и он сдался:

— Ладно, ладно, скрытный.

После ухода гости Ли Чжи сообщил Дай Мэнтин, что собирается пораньше вернуться в университет.

Та даже бровью не повела, лишь спросила:

— Почему так скоро?

— Диплом ещё не дописан.

— А, — она взглянула на ногти, не выказывая ни малейшего беспокойства. — Тогда поспеши. — И больше ни слова.

Она всегда была беспечна, ни во что не вникала, и Ли Чжи в большинстве случаев чувствовал себя свободно, хотя порой накатывало странное чувство пустоты — будто Дай Мэнтин и вправду не считала его чем-то важным.

Вечером Дай Юэжань, узнав, что Ли Чжи собирается возвращаться раньше, скорчила недовольную мину:

— А что с моим чемоданом?

Они поужинали и вышли прогуляться в беседку на заднем дворе, наблюдая, как Цзян Чжао катается на скейтборде с мигающими огоньками по дорожке неподалёку.

— Ты что, младенец? — с раздражением спросил Ли Чжи. — Пусть дядя отвезёт тебя к выходу на посадку, предупредишь меня перед вылетом — и я встречу в аэропорту.

— А, ладно, — ответила Дай Юэжань, но в её взгляде мелькнуло сомнение, и она пристально уставилась на Ли Чжи. — погоди, а почему ты не летишь со мной? Неужто опять в кого-то влюбился и хочешь вернуться к своей девушке?

— Чего ты так в мою личную жизнь вникаешь? — с досадой и смехом ткнул он её по голове. — Лучше за собой следи.

— А разве не нормально — беспокоиться о тебе?

— Но я не вижу, чтобы ты так же беспокоилась о Цзян Яне.

— Мы с Цзян Янем — сводные брат и сестра только по бумагам, зачем мне о нём беспокоиться? — с подковыркой сказала Дай Юэжань. — К тому же он меняет девушек чаще, чем носки, ему

моё внимание ни к чему.

— Правда? Преувеличиваешь, — Ли Чжи решил, что она опять сочиняет про Цзян Яня небывлицы, и повернулся к ней. — Я ни разу не видел, чтобы он приводил девушек домой. С чего ты взяла?

Дай Юэжань, не отрывая глаз от маленькой фигурки Цзян Чжао, сновавшей по дорожке, ответила:

— Знаю просто. Много раз видела.

— Говоришь, не беспокоишься, а сама так за ним следишь? — усмехнулся Ли Чжи.

Дай Юэжань тут же вспыхнула и гневно на него посмотрела:

— Нет!

Вдалеке мелькнули фары, осветив беседку. Ли Чжи узнал машину Цзян Яня. Та въехала в подземный гараж, и если Цзян Янь выйдет через главный вход, то пройдёт как раз мимо.

Дай Юэжань, очевидно, тоже это поняла. Она отряхнула с рук несуществующую пыль и повернулась, чтобы уйти. — Братец, я пошла, а ты последи за Цзян Чжао.

Ли Чжи крикнул прямо в сторону Цзян Чжао:

— Цзян Чжао, домой!

— Я ещё поиграю!

— Тогда играй один, мы уходим.

— Не хочу! — Цзян Чжао поспешно слез со скейтборда и, таща его за ручку, побежал к беседке. — Вы все не играете со мной, и никто обо мне не заботится... — Он уцепился за полу Дай Юэжань, швырнул скейтборд на землю и чуть не расплакался. — Я темноты боюсь.

Дай Юэжань присела, чтобы его утешить:

— Мальчики не должны бояться темноты.

Но слова подействовали наоборот. Цзян Чжао громко разревелся, сквозь слёзы пытаясь объяснить:

— Но я не мальчик, я ещё маленький.

У Ли Чжи уже голова пошла кругом. Он не понимал, из-за чего весь этот рев. — Тебе нужно учиться быть самостоятельным.

— Ли Чжи, ты такой бесчувственный, — сказал Цзян Чжао, используя фразу, подхваченную из какого-то сериала. — Я и так сам расту.

Дай Юэжань хихикнула:

— Ли Чжи, ты такой бесчувственный.

— ...Ладно, виноват, — Ли Чжи наклонился к Цзян Чжао. — Хочешь, чтобы я тебя понёс?

Тот тут же вцепился в него:

— Да!

— А я вот в детстве, — проворчала Дай Юэжань, идя рядом и таща скейтборд, — ты меня не носил.

— Брось, — с отвращением сказал Ли Чжи. — Ты в детстве была толще меня, я бы тебя и не поднял.

— Может, это ты слабак? — обиженно фыркнула Дай Юэжань. — Хорошо, что я похудела!

— Эй, погоди, Дай Юэжань, ты забыла? Ты ещё должна мне рагу в железном котле, — вдруг вспомнил Ли Чжи.

Дай Юэжань тоже вспомнила и слегка смутилась, но тут же пообещала:

— На зимних каникулах обязательно угощу, хоть сотню раз!

На следующий день рано утром Ли Чжи вылетел в Тинчжоу. Прибыв на место, он оставил вещи в квартире и сразу отправился в университет. Старшая сестра по лаборатории, узнав, что он вернулся раньше, попросила помочь обработать ряд данных с ошибками.

На обед он заказал доставку, а затем провёл весь день в лаборатории.

К вечеру на улице начало темнеть. Окно лаборатории выходило на баскетбольную площадку за пределами жилого комплекса, где каждый вечер пенсионеры и их семьи танцевали вальс.

Едва заиграла музыка, как мысли Ли Чжи разбежались. Мелодия, хоть и лёгкая, не успокоила его, а лишь усилила раздражение. Он встал, чтобы закрыть окно, но тщетно — звук просачивался даже через щели.

Он взял телефон, пролистал ленту и увидел, что научрук отдыхает, старшая сестра по лаборатории гуляет, старший брат сыплет конфетти из своей личной жизни, а одноклассник только что сделал пентакилл в игре. Ли Чжи почувствовал глухое негодование. Как современные научные работники могут так жить?

Линь Чаошэн в тот день ничего не публиковал. Ли Чжи зашёл на его страницу и увидел, что последний пост датирован пятым октября. Уже наигрался?

Ли Чжи подумал и написал в соцсети: «Всё же мне повезло, что тётушки напротив лаборатории танцуют вальс, а не занимаются утренней гимнастикой. [Затыкает уши]».

Он вышел из приложения, открыл другое, продолжил листать ленту, но внутри становилось всё беспокойнее. Многие любят работать под музыку, но Ли Чжи — нет. Когда он сосредоточен, любая мелодия, даже самая тихая и медленная, даже инструментальная, превращается для него в шум. Наверное, просто не хватает концентрации.